

МУЗЕЙНОЕ

А. В. Ханило (Ялта)

“КАКОЕ НАСЛАЖДЕНИЕ УВАЖАТЬ ЛЮДЕЙ!”*

В последнее время в литературоведении, и в частности в чеховедении, я буду говорить об Антоне Павловиче Чехове, появилась такая тенденция – разбирать и анализировать не творчество писателя, а его личную, частную жизнь. Это проявляется во всех литературных жанрах: в драматургии, в прозе и даже в поэзии.

Почему авторам этих исследований хочется, или хотелось бы, чтобы Чехов женился, непременно, на Лике Мизиновой, другой желал бы его женой видеть писательницу Лидию Алексеевну Авилову. И уж ни в коем случае, чтобы женой его стала Ольга Леонардовна Книппер. Причём в статьях, исследованиях, публикациях достаётся не только Ольге Леонардовне, но и родной сестре Чехова Марии Павловне.

А между тем, мне хочется сказать, что нам всем, кто занимается Чеховым, надо поклониться земным поклоном и Марии Павловне, и Ольге Леонардовне. Это они сохранили неизданные произведения Чехова, его архив, его многочисленные письма и переписку с друзьями, родственниками, знакомыми. Не ошибусь, если скажу, что эти две замечательные женщины на много лет продлили жизнь А. П. Чехова, благодаря этому он стал нашим современником, близким и дорогим человеком многим поколениям людей, влюблённым в литературу. Можно ли сейчас представить себе чеховедение без писем А. П. Чехова, без писем Марии Павловны, без писем Ольги Леонардовны?

* А. П. Чехов

Не хотелось бы называть имена этих исследователей, а их довольно много и в Украине, и в России, и за рубежом.

Помню французскую газету, в которой автор статьи обрушился на В. И. Немировича-Данченко, К. С. Станиславского и, конечно же, на О. Л. Книппер, обвиняя их в бесчеловечности по отношению к А. П. Чехову, которым не нужен был Антон Павлович как человек, он был им нужен только как драматург, вернее сказать, автомат, который должен был писать пьесы для их театра, и неважно, что он тяжело болеет, им нужны пьесы и пьесы...

А ведь когда провалилась «Чайка» в Петербурге в 1896 г. на сцене Александринского театра, Чехов на второй день писал А. С. Суворину: “Никогда я не буду ни писать пьес, ни ставить” [П. т. 6, стр. 197] и через две недели снова в письме к А. С. Суворину: “Да, проживу 700 лет и не напишу ни одной пьесы. Держу пари на что угодно” [П. т. 6, стр. 213].

И вернул нам Чехова-драматурга именно В. И. Немирович-Данченко. Он долго уговаривал Чехова и убедил его дать «Чайку» для постановки на сцене Московского Художественного театра, он возродил «Чайку». А Ольга Леонардовна стала первой исполнительницей женских ролей в пьесах Чехова.

Каждый волен писать что хочет, имеет право на художественный вымысел. Но о реально существующих исторических личностях надо быть [(говорить?)] тактичнее.

Всем хорошо известна пьеса Леонида Малюгина «Насмешливое моё счастье». Пьесу он писал специально для театра имени Евгения Вахтангова, и заранее знал, какую роль какой артист будет исполнять. Как-то Чехов писал «Три сестры», где роль Маши предназначалась для Ольги Леонардовны Книппер.

В 1966 году Малюгин отдыхал в Ялте, пришёл к нам в музей, чтобы рассказать о своей пьесе. Мы оказали ему очень достойный приём. Разрешили прочитать нам пьесу не в зале литэкспозиции, а в гостиной чеховского дома. Он прочитал нам пьесу полностью. Меня, мягко говоря, удивило название пьесы, и я спросила, почему он так её назвал. Ответил: “Очень просто, насмешливое счастье заключается в том, что Чехов любил Лику Мизинову, а женился на Ольге Леонардовне Книппер”. Я возразила – ведь эти слова Чехова никакого отношения не имеют ни к Лике, ни к О. Л. Книппер.

Я напомним, откуда эта чеховская фраза. В апреле 1890 года он отправился на остров Сахалин. 14-17 мая посылает письмо своим родным, в котором описывал подробности тяжёлой дороги на лошадях, как столкнулся его возок с почтовой тройкой, он едва успел отскочить в сторону, а на другой день чуть не утонул в бурной реке во время сильного ветра. Это описание он заключает словами: “Нехорошее, насмешливое моё счастье!” [Чехов. Письма, т. 4, с. 88-89].

Драматург дал нам понять, что ему очень нравится Лица и совсем не симпатична О. Л. Книппер. Хорошо зная московские театры, спросила – кто будет играть Лику – он ответил: Юлия Борисова, и сразу стало ясно: все симпатии зрителей будут на стороне Борисовой (она только что потрясла зрителей в фильме «Настасья Филипповна», по Ф. М. Достоевскому). Ольгу Леонардовну, по желанию драматурга, должна была исполнять Елена Добронравова, хорошая актриса, но она совсем не такого характера, как Ольга Леонардовна, сразу чувствовалась предвзятость автора пьесы к жене Чехова. Этот спектакль был выдвинут на соискание государственной премии. Но премию не присудили. Видимо, члены комиссии по присуждению премий не приняли трактовку драматурга.

При жизни А. П. Чехова Иван Алексеевич Бунин в Ялте, в Гурзуфе и в Москве общался с Ольгой Леонардовной, и тогда она казалась ему достойной Чехова и очень привлекательной. В апреле 1902 года он подарил ей свою фотографию с надписью в левом верхнем углу: “О. Л. Книппер – И. А. Бунин”, и дальше стихи: “О, Весна, как сердце счастья просит! Как сладка печаль моя весной! Ив. Бунин”.

Эта фотография долгие годы хранилась у Ольги Леонардовны в её московской квартире. После её смерти я выпросила фотографию у Л. К. Книппер, племянника О. Л., и сейчас она находится в ялтинском Доме-музее А. П. Чехова.

Как-то в Ялту, уже после смерти Марии Павловны, приехал Виктор Борисович Шкловский. Он рассказал нам о своей поездке во Францию и о встрече с И. А. Буниным. Поведал, как ревниво встретил Бунин его рассказ о ялтинском музее Чехова и о самой Марии Павловне.

В те годы вышли воспоминания Л. А. Авиловой о Чехове. Шкловский об этом рассказал Бунину, и тот ответил:

“Наконец я узнал имя женщины, которую любил Чехов”. Шкловский объяснил ему, что по поводу этих воспоминаний Мария Павловна написала большую статью в «Литературную газету», в ней она писала, что многое в воспоминаниях не соответствует действительности. Вряд ли Чехов объяснялся Авиловой в любви. В 1904 году после смерти Антона Павловича Авилова прислала письмо Марии Павловне, в котором писала: “Я не знаю, как Антон Павлович относился ко мне, и я не знаю почему называл меня матушкой”. Тогда, видимо, это была правда, – на что Бунин сказал Шкловскому: “Подумаешь, Мария Павловна, со всей мещанской стыдливостью”.

Вероятно, ко времени написания своих воспоминаний, она забыла об этом письме, и ей уже казалось, что была любовь к ней со стороны Чехова.

Реплика Бунина о “мещанской стыдливости” Марии Павловны очень удивляет, он долго жил у Чехова и в Ялте, и в Гурзуфе. Пользовался гостеприимством Антона Павловича и Марии Павловны, и тогда они для него не были мещанами. Из ялтинского дома Бунин писал брату: “У Чеховых – я как родной”.

Кстати сказать, у Антона Павловича никогда не было фотографии Авиловой.

В одной довольно современной газетной статье прочитала такую фразу: “По какому праву Мария Павловна вырезала строки из писем Антона Павловича?”. Вероятно, имела право. Шесть томов писем Антона Павловича, подготовленные Марией Павловной, вышли в свет с 1912 по 1916 годы. В это время ещё был живы люди, о которых шла речь в письмах. Из чувства такта Мария Павловна не хотела кого-то обидеть. А если говорить о праве Марии Павловны – то право она имела.

Ведь ещё в 1880-е годы Чехов писал: “Мария Павловна у нас главная <...> Я полагаюсь во всём на неё”. Перед самым отъездом на Сахалин 15 апреля 1890 года А. С. Суворину, как завещание, писал: “В случае утонутия или чего-нибудь вроде, имейте в виду, что всё, что я имею и могу иметь в будущем, принадлежит сестре; она заплатит мои долги”.

Мария Павловна имела полное право распорядиться по своему усмотрению письмами Чехова. Ведь брат Левитана сжёг письма Исаака Ильича! Мария Павловна поступила мудро, она сохранила все письма. Никто не имеет права её осуждать. Оль-

га Леонардовна не хотела публиковать письма Антона Павловича к ней. Мария Павловна уговорила её дать для печати письма Чехова. Это было не просто для Ольги Леонардовны, но она сумела переступить через себя и мы должны быть очень благодарны ей за это. Вспомните, сколько было недоброжелательных отзывов в её адрес, когда появились в печати эти письма.

Их только надо читать, как в них написано, а не выискивать какие-то тёмные пятна в жизни её и Чехова.

В статьях и даже в стихах некоторые авторы позволяют себе бестактные выпады по отношению к жене писателя. Хочется вспомнить слова Ф. И. Шалапина, который сказал: “Когда толпа не может возвыситься до гения, она его принижает до себя”.

Приведу в пример слова очень талантливого и мудрого человека И. М. Смоктуновского. В 1974 году мы закрыли музей на капитальный ремонт и реставрацию, которые продолжались шесть с половиной лет. В 1975 году в октябре у нас открылись очередные чеховские чтения. Московский Художественный театр готовился к своему 80-летнему юбилею (1978 год). Принято было решение поставить пьесу Чехова «Иванов», главную роль в которой должен был исполнять И. М. Смоктуновский – актёр, который всегда необыкновенно серьёзно подходил к своим ролям. Они приехали к нам на чтения, чтобы послушать доклады чеховедов. В те годы у нас на чтениях выступали известные чеховеды: З. С. Паперный, В. И. Кулешов, Э. А. Полоцкая, В. Б. Катаев, А. П. Чудаков, М. Н. Стрелева, В. Я. Лактин, А. П. Кузичева, Т. К. Шах-Азизова и др.

В ялтинском музее Смоктуновский не был, не мог посмотреть его и в этот раз. Музей реставрировался и все вещи находились в зале литэкспозиции. В те годы я была главным хранителем музея, вещи разместили так, чтобы можно было осмотреть письменный стол Чехова, его библиотеку и другие экспонаты. Когда я открыла книжный шкаф Чехова, в нём книги стояли в таком же порядке, как и в кабинете писателя. На первой полке: 10 томов Л. Н. Толстого, 10 томов А. С. Пушкина и 10 томов И. С. Тургенева, а перед ними впереди стоят маленькие книжечки: молитвенники на разных языках и Новый Завет. На них сразу обратил внимание Смоктуновский и задал вопрос чеховедам: “Как Чехов относился к религии, и был ли он верующим человеком?”. Ему отве-

тели, что Чехов был атеист. Меня несколько удивил этот ответ, и я подумала, что надо И. М. показать иконы Чехова и сказать правду ему. Но это был атеистический 1975-й год, и открыто говорить было нельзя, тихонько я попросила И. М. остаться в зале, когда все выйдут. Мы с И. М. остались в зале, я закрыла дверь на ключ, подвела его к “многоуважаемому шкафу”, в котором хранились главные чеховские иконы – Николай Чудотворец, семейная реликвия Господь Вседержитель, и Шуйская <икона – ред.> Смоленская Богородица.

Икона Господь Вседержитель всегда висела в спальне Чехова. Её заказал отец Чехова Павел Егорович в 1862 году. На ней изображены святые, имена которых носит семья Чеховых: Апостол Павел, преподобная Евгения, святой князь Александр Невский, святой Антоний и Иоанн Креститель. На иконах нет святых, в честь которых даны имена дочери Марии и сыну Михаилу – они родились позже 1862 года.

Ещё в музее хранятся маленькие иконки, которые Чехов привозил из монастыря для матери, тётки Феодосьи и Марии Павловны. Показала Смоктуновскому выдержку из письма Чехова В. С. Миролубову от 17 декабря 1901 года из Ялты: “Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать её места шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью”. И. М. схватил меня за обе руки и сказал: “Вы даже не представляете, что Вы для меня сделали. Я очень верующий человек и для меня важно познать душу автора, тогда я понимаю его произведение”. Заложил руку за воротник свитера, достал и показал мне маленький золотой крестик на золотой цепочке, и сказал: “Доверие за доверие, только пусть это будет нашей тайной”.

Это история имела продолжение. В феврале 1978 года я была в Москве и смотрела «Иванова» в Художественном театре. Главная сцена МХАТ(а) была закрыта на капитальный ремонт и спектакль проходил в новом здании театра на Тверской.

В антракте ко мне подошла секретарь О. Н. Ефремова и попросила после спектакля пройти за кулисы, там собрались чеховеды и актёры театра. За кулисами я встретила двух чеховедов-женщин, мы пошли по длинному коридору и в конце его увидели Смоктуновского. Они вскрикнули и побежали к нему как девочки-поклонницы. Я осталась стоять на месте,

ведь прошло более двух с половиной лет, и я вовсе не претендовала [на то], что он меня узнает. Они стояли довольно далеко от меня и разговаривали. Я посмотрела в их сторону, мы встретились взглядами, и я поняла, что он узнал меня. Он раздвинул их в стороны и пошёл ко мне. Подойдя, взял меня опять за обе руки и произнёс: “Милый, милый друг”. Мы стояли недалеко от его гримёрной, он открыл дверь и мы все четверо в неё вошли. На столе лежала стопка театральных программ пьесы Чехова «Иванов». Он взял одну и написал мне: “Милый, милый друг. Никогда не забуду Вашего доверия ко мне, связанного с А. П. Чеховым. И. Смоктуновский, 78”. Мы вышли из его гримёрной и мои коллеги спросили, что означает эта надпись, я ответила, что это наша тайна, и я не могу объяснить. И до 1994 года я никогда никому об этом не рассказывала. Только в Баденвейлере в 1994 году на II Международном Симпозиуме я рассказала об этом автографе. И. М. Смоктуновского уже в то время не было в живых.

Мне стало понятно, что по-настоящему он понимал Чехова, потому что сумел “познать его душу”.

Некоторые, кто пишет о Чехове, не познав его души, не понимают ни его, ни его жену. Тогда в 1975 году, когда Смоктуновский выслушал все доклады чеховедов (их было около двадцати), выступая, сказал: “Я внимательно прослушал все доклады и понял одно – вы также не понимаете Чехова, как и я”.

В конце октября 1898 года младший брат Чехова Михаил писал Антону Павловичу: “... женись на хорошем человеке, но обязательно женись, роди младенца <...> пусть твоя будущая жена, – мне бы почему-то хотелось, чтобы это была Наташа Линтварёва или А. А. Хотяинцева...” [т. 7, стр. 648]. Чехов ответил Михаилу Павловичу: “Жениться интересно только по любви; жениться же на девушке только потому, что она симпатична, это всё равно, что купить себе на базаре ненужную вещь только потому, что она хороша. В семейной жизни самый важный винт – это любовь <...> Стало быть, дело не в симпатичной девушке, а в любимой; остановка, как видишь, за малым” [т. 7, стр. 311].

И Чехов женился на любимой. Впервые увидев её на сцене в роли царицы Ирины, он писал о ней: “Голос, благородство, задушевность – так хорошо, что даже в горле чешется” [т. 7, стр. 289].

Напоминаю слова из записной книжки Чехова: “Когда любишь, то какое богатство открываешь в себе, сколько нежности, ласковости, даже не верится, что так умеешь любить” [т. 17, стр. 57].

Нежность и ласковость Антона Павловича постоянно присутствуют в его письмах к Ольге Леонардовне.

За полтора месяца до смерти Чехов писал в Ялту доктору Л. В. Средину: “Моя жена при больном муже – это золото <...> Значит, хорошо, что я женился, очень хорошо...” [т. 12, стр. 102].

Возвращаюсь к названию статьи. Это слова Чехова: “Какое наслаждение уважать людей! Когда я вижу книги, мне нет дела до того, как авторы любили, играли в карты, я вижу только их изумительные дела” [т. 17, стр. 41].

Так должны относиться к Чехову и те авторы, которые пишут о нём.

Особенно верх бестактности, когда автор пишет плохо о жене Чехова в стихах. Такого человека нельзя называть поэтом. Настоящий поэт-лирик не может унизиться, чтобы писать неуважительно о любимой жене Антона Павловича – Ольге Леонардовне.

Но бывают и другие восторженные люди, которые тонко чувствуют и понимают Чехова, его характер и душу.

Совсем недавно, 3 декабря 2011 года, я шла по дорожке чеховского сада, навстречу мне шёл экскурсант, который только пришёл и ещё не осмотрел дом Антона Павловича. Задал мне вопрос о Чехове один, второй и т. д. Почему он определил, что я музейный работник, не знаю. Мы проговорили целый час. Я почувствовала увлечённость экскурсанта Чеховым и Ольгой Леонардовной. Кто он и откуда, я ничего не знала. Потом сотрудники мне сказали, что он спросил моё имя и номер телефона. Примерно через неделю мне позвонили из Киева – это был тот самый экскурсант, сказал, что прочитал за это время много писем Чехова, его переписку с Ольгой Леонардовной. Говорил с восторгом, очень увлечённо, оказалось, он композитор и за это время не только читал о Чехове, но уже вместе с женой создают литературно-музыкальную композицию по переписке А. П. и О. Л. Мы проговорили три часа и в конце мне сказали название «Драматург и актриса». Потом я подумала, что такое название не подходит, оно уже повторялось.

Дней через десять они снова приехали в Ялту, в декабрьский холодный день мы встретились на набережной – я сразу предложила другое название, которое им очень понравилось, и в результате появились ноты и текст: «Александр Костин, «Антон Чехов и царица Ирина», литературно-музыкальная композиция для чтеца, сопрано и фортепианного трио по мотивам переписки Антона Чехова и Ольги Книппер-Чеховой. Сценарий Марины Варзацкой-Костиной», Киев, 2012 год». Композиция прекрасная. 9 февраля 2012 года она была исполнена в Доме-музее Чехова в Ялте.

Ольга Леонардовна и была для Чехова как царица. Я почти 13 лет общалась с Ольгой Леонардовной и в Ялте, и в Москве. Была на её 90-летнем юбилее. Провожала её в последний путь 22 марта 1959 года.

Я счастлива, что судьба подарила мне эти встречи. От Ольги Леонардовны исходил какой-то свет, какая-то радость жизни. Она очень любила природу – море, горы, солнце, цветы, растения. Она была удивительным человеком, сохранила свою женственность и в девяносто лет!